

На правах рукописи

Кондратьева Тамара Николаевна

**ПРОБЛЕМЫ ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
20-х — НАЧАЛА 50-х годов XX ВЕКА**

Специальность 07.00.09 — историография, источниковедение
и методы исторического исследования

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Омск-2002

Работа выполнена на кафедре древнего мира и средних веков
Тюменского государственного университета

Научный руководитель

доктор исторических наук,
профессор
Еманов Александр Георгиевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Чудинов
Александр Викторович,

кандидат исторических наук,
доцент
Садретдинов
Генрих Кутдусович

Ведущая организация

Казанский государственный
университет

Защита состоится 28 ноября 2002 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета К 212.179.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Омском государственном университете по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира 55-а, учебный корпус № 2, ауд. 506.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Омского государственного университета (г. Омск-77, пр. Мира 55-а, читальный зал № 1).

Автореферат разослан 26 октября 2002 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент*

Родионов Ю. П.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Историческая наука не остается одной и той же. Она становится другой вместе со временем. Со сменой поколений меняются методологические и тематические предпочтения, исследовательские перспективы, техническая вооруженность, язык описания прошлого. Расхожая истина о том, что все течет — все меняется, применима к историописанию точно так же, как к любой человеческой деятельности.

В последние годы замечено вырос интерес к истории отечественной исторической науки. Выходят работы, посвященные деятельности отдельных историков, формированию научных школ, их нелегких, не прямых судьб. Издаются архивные документы.

Вопрос о том, что писали историки, всегда занимал историографа. Однако в последние годы такой подход все меньше и меньше удовлетворяет исследователей. Сегодня ярко выражен интерес к судьбам «больших» ученых и их менее известных «заурядных» коллег. Осознается, как мало изучена история тех многочисленных научных учреждений, коллективов и периодических изданий, которые обильно и многообразно проросли на историческом ландшафте в первые 10-15 послереволюционных лет, а также история его регулярно повторяющихся «прополок». Сегодня хочется знать не только что, но и как писались исторические произведения пять или шесть десятилетий тому назад, как зарождались и формулировались темы исследований, какие культивировались подходы, каковы были методы убеждения оппонентов, какие поведенческие стереотипы считались нормативными в научном сообществе, какой использовался язык, как, говоря словами современной книги, историки мыслили (Н. Е. Копосов).

Применительно к истории отечественной исторической науки 20-х—40-х годов XX века данные проблемы еще только начинают изучаться. Особенно это касается языка исторической науки, установок нормативного поведения и «человеческого фактора» в целом. Но пока практически отсутствуют работы, ставящие целью реконструировать идиоматический словарь советской историографии и тем более проследить извилистые пути его формирования. Хотя известно, что отечественные историки использовали совершенно особый язык, в основе которого лежали марксистские понятийные и терминологические сегменты.

Дискуссии и споры, разворачивающиеся в советской историографии вокруг темы «французский абсолютизм», а также вокруг проблемы «классовой борьбы», через которую некоторые историки только и хотели изучать историю вообще и абсолютизм в частности, содержат обильный материал, позволяющий выявить основные языковые практики отечественных исследователей, их методологические установки, фигуры мысли, сюжетные и тематические предпочтения.

В истории отечественной исторической науки есть еще один, на наш взгляд, важный и мало исследованный сюжет: это взаимоотношения видных советских ученых друг с другом. Можно смело утверждать, что пока нет крупных исследований, затрагивающих не столько профессиональные, сколько человеческие качества специалистов по западному средневековью и раннему новому времени. А ведь это очень увлекательная тема, в рамках которой можно поставить целый ряд вопросов: как историки общались в быту и на различных научных мероприятиях, какие ценности исповедовали, каких поведенческих практик придерживались, как власть воздействовала, влияла, как она формировала стереотипы поведения ученых и как они откликались на ее установки и запросы?

Историография проблемы достаточно велика и в значительной степени однообразна. Дело в том, что «абсолютизм» интересовал, прежде всего, историков, работающих в рамках так называемой марксистской парадигмы, которые на любое историческое явление смотрели через призму социальных (классовых) и экономических отношений. Именно они во второй половине 30-х годов, когда в основном были закончены многочисленные реконструкции научных учреждений, сформулировали базовые теоретические компоненты и конструкции темы, которые стремились подкрепить конкретными исследованиями. Однако в конце 30-х годов ученых, приступивших к разработке данного направления, еще было мало. Отметим, что во всех историографических работах началом изучения проблемы «абсолютизм» принято считать вторую половину 30-х годов. Именно так она освещена в вышедшей в 1940 г. «Историографии Средних веков» О. Л. Вайнштейна, где ее, впрочем, удостоили лишь несколькими строками¹.

¹ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М.-Л., 1940. С. 361. Среди историков темы здесь упомянуты только З. В. Моисина, В. В. Бирюкович.

Пожалуй, первой большой историографической работой стала довоенная статья С. Д. Сказкина «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме», где известный советский медиевист попытался не только реконструировать взгляды классиков марксизма на проблему, но и определить основные пути ее разрешения¹.

Первые итоги научных изысканий второй половины 30 — начала 40 гг. были подведены в статьях Е. А. Косминского, в которых отмечается, что применительно к XVI-XVII вв. «наибольшее внимание советских медиевистов привлекали вопросы социальной характеристики абсолютизма, особенно в его классическом французском варианте». Среди авторов, наиболее интенсивно разрабатывающих проблему, академик назвал Б. Ф. Поршнева и его докторскую диссертацию о народных массах, а также работы С. Д. Сказкина, В. В. Бирюковича, З. В. Мосиной².

Спустя десять лет Е. А. Косминский счел нужным упомянуть о «ряде» дискуссий в советской исторической науке по «проблеме классовой природы абсолютизма», итогом которых стало общее признание его формой феодального государства на последней, третьей, стадии. По словам ученого, нерешенным остался вопрос о различных типах абсолютизма, уточнения, кроме того, требуют выделенные эпохи развития данной формы государства. Здесь же он высоко отозвался о докторской диссертации А. Д. Люблинской и в самом общем виде изложил споры, вспыхнувшие из-за трактовки Б. Ф. Поршневым Фронды и вокруг его концепции классовой борьбы в средневековый период³.

¹ Сказкин С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Московского городского Педагогического института. Кафедры исторического факультета. 1941. Т. 3. Вып 1. С. 3 — 25; Он же. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения). // Из истории средневековой Европы (X — XVII вв.) / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1957. С. 5 — 18.

² Косминский Е. А. Изучение истории Средних веков за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науке в СССР / Под ред. В. П. Волгина. М.-Л., 1942. С. 211; Он же. Изучение истории западного средневековья // Вестник АН СССР. 1945. №10 — 11. С. 59.

³ Он же. Основные проблемы западноевропейского феодализма в Советской исторической науке // Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963

Несколько более подробно состояние изученности темы изложено в совместной статье Е. А. Косминского, Е. В. Гутновой, Н. А. Сидоровой. Авторы, в частности, коснулись уже подзабытой к тому времени дискуссии 1940 г. о социальных корнях абсолютной монархии, выявившей две точки зрения, между носителями которых шли споры вплоть до начала 50-х годов. Статья, не называя имен, передавала суть разногласий: одни сводили причины возникновения абсолютизма к классовой борьбе крестьян и феодалов, другие «подчеркивали тесную связь» между процессом возникновения абсолютизма и глубинными изменениями экономики и социальных структур Западной Европы XVI-XVII в. Обе точки зрения, констатировалось авторами, страдали односторонностью, а первая — еще и упрощением, причиной которых явилась «слабая конкретно-историческая разработка вопроса». Статья также подчеркивала, что «в ходе дискуссии, а затем в процессе дальнейшей исследовательской работы расхождения в оценке абсолютизма были в значительной мере ликвидированы»¹.

Более подробная картина изучения проблем западноевропейского абсолютизма в СССР написана О. Л. Вайнштейном в его фундаментальной монографии «История советской медиевистики». Он очертил основные вехи в эволюции темы, отметив, что дискуссия об абсолютизме началась в СССР еще в 20-х годах, правда, по его мнению, касалась она не столько западноевропейского, а скорее российского абсолютизма. Дальнейшим толчком к проведению исследований в данной области послужили опубликованные в 1934 г. замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. А. Жданова по поводу конспектов учебников истории для средней школы. Следующим шагом в изучении уже непосредственно западноевропейского и в первую очередь французского абсолютизма стала дискуссия 1938-1940 гг. Тогда «советские историки пришли к единодушному признанию того, что абсолютная монархия является последней фазой развития феодального государства, организацией диктатуры дворянства, причем эта диктатура могла осуществлять

¹ Косминский Е. А., Гутнова Е. В., Сидорова Н. А. Сорок лет советской медиевистики // Вопросы истории. 1957. № 11.

ся только в условиях известного компромисса с поднимающимся классом буржуазии»¹.

Однако, отмечал О. Л. Вайнштейн, единодушие во взгляде на классовую сущность абсолютизма не исключало других дискуссий. И они возникли вокруг вопроса о функциях абсолютизма и вокруг проблемы взаимоотношения абсолютной монархии с «антагонистическими классами феодального общества». Историки стали искать объяснение признанному ими факту ущемления дворянских привилегий абсолютизмом, который они же понимали как дворянскую диктатуру, и объяснение положению марксизма о самостоятельности абсолютизма по отношению к буржуазии и дворянству. Далее О. Л. Вайнштейн воспроизводит ответы на поставленные вопросы, предложенные С. Д. Сказкиным, С. А. Покровским, З. В. Мосиной, Б. Ф. Поршневым, В. В. Бирюковичем, А. Д. Люблинской и др. Правильным, на его взгляд, является мнение А. Д. Люблинской, которая полагала, что в XVII в. «во Франции шла борьба не между буржуазией и дворянством, а между феодальной аристократией и «новым» дворянством», то есть внутри феодального класса.

Большой и содержательный историографический раздел по проблеме абсолютизма содержит статья А. Н. Чистозвонова «Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма». А. Н. Чистозвонов, пожалуй, впервые счел нужным заметить, что концепция абсолютизма школы М. Н. Покровского заслуживает более подробного изучения, что он сам и сделал, изложив кратко взгляды ее основателя и последователей — В. Д. Преображенского, Н. Н. Розенталя, П. П. Щеголева. Однако, несмотря на экскурс в 20-е годы, А. Н. Чистозвонов, как и его предшественники, датирует создание подлинной марксистской теории абсолютизма концом 30 — началом 40-х годов. Давая общепринятую дефиницию абсолютизму, он говорит о наличии в советской историографии «двух универсальных формул», которые исходят из общего понимания абсолютизма «как формы политической надстройки, присущей фео-

¹ Вайнштейн О. Л. Изучение истории Франции Средних веков и нового времени советскими историками // Французский ежегодник. 1958. М., 1959. С. 490-518; Он же. История советской медиевистики. 1917-1966. Л., 1968. С. 88, 150.

дальному обществу на последней стадии его развития и имеющей те же функции, что и предшествующие формы политической надстройки феодального общества». Одна формула принадлежит Б. Ф. Поршневу, который главную причину создания абсолютизма видел в росте масштабов крестьянского сопротивления, другая — С. Д. Сказкину, находившему объяснение абсолютизму «в усилении классового антагонизма между нарождающейся буржуазией и феодальным дворянством». При этом о А. Д. Люблинской А. Н. Чистозвонов практически лишь упоминает¹.

О научных разногласиях между Б. Ф. Поршневым и А. Д. Люблинской писал В. М. Далин. Он, в частности, отмечал, что Б. Ф. Поршнев слишком акцентировал реакционность абсолютизма, подавляющего выступления народа, а А. Д. Люблинская, в свою очередь, «впадала в иную противоположность», слишком подчеркивая «прогрессивные черты абсолютизма, его связь с буржуазным развитием страны, с разложением феодализма»².

Сама А. Д. Люблинская, пережившая своих оппонентов Б. Ф. Поршнева и С. Д. Сказкина, передавала историю становления марксистской трактовки проблемы и историю общих разногласий так. Она констатировала, что история Франции XVII в. стала основой для выработки модели абсолютизма. «Многие понятия, относящиеся к абсолютизму вообще, были абстрагированы от конкретной истории французской абсолютной монархии при Людовике XIV», а французский абсолютизм стал восприниматься историками в качестве «классического образца» этой формы государства.

Историки-марксисты, занимающиеся изучением классовой природы абсолютизма, подчеркивала она, сталкивались с необходимостью анализировать не один, а два эксплуататорских класса — дворянство и буржуазию — в их взаимоотношениях друг с другом и с правительством, причем делать это в развитии — от зарождения абсолютизма до буржуазной революции, в ходе которого отношения могли меняться. Этим отношениям, по мнению А. Д. Люблинской, был свойственен динамизм, и исследователям нужно было его учитывать.

¹ Чистозвонов А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. №5.

² Далин В. М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981. С. 272-273.

Но такое понимание пришло не сразу. По убеждению А. Д. Люблинской, в довоенной советской историографии доминировал как раз статический, но никак не динамический подход к проблеме, ярким образцом которого была статья С. Д. Сказкина «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме», где автору, из-за отсутствия конкретных исследований, пришлось оперировать предельно «общими понятиями» — «дворянство», «буржуазия». Иначе говоря, С. Д. Сказкин и его современники предлагали просто некую теоретическую конструкцию, основанную на историографии XIX века и на положениях классиков марксизма.

Модель Б. Ф. Поршнева критиковалась А. Д. Люблинской за слишком общую и произвольную характеристику буржуазии, за его нежелание видеть внутри буржуазии как класса некую структуру. Она подчеркивает, что Б. Ф. Поршнев, противореча Марксу и Энгельсу, которые настаивали на существовании равновесия между буржуазией и дворянством при абсолютизме, считал, что буржуазия в XVII в. идет на союз с дворянством. Тогда как, по А. Д. Люблинской, на союз с дворянством шла только часть одворянившейся буржуазии, подлинная же, т. е. «торгово-промышленная буржуазия» дворянство уравнивала¹.

Практически во всех историографических работах советского периода отмечается высокий уровень отвлеченности дискуссий 40 — начала 50-х годов. Большинство обсуждаемых положений, констатируется авторами, оказались неподкрепленными конкретными исследованиями. Но в ходе споров появлялось осознание их излишней абстрактности, которое стимулировало дальнейшие изыскания. Справедливо порицая историков и полемистов за абстрактность, никто, вместе с тем, не ставил под сомнения эвристические возможности используемого метода познания и язык, которым описывались явления и события прошлого. Эти сферы тогда, как известно, были табуированы.

Только в середине 80-х годов демонстративно обозначился отход от, казалось бы, непоколебимых принципов марксистского историописания и интерпретации прошлого. Началась, по меткому выражению А. В. Чудинова, историографическая и поколенческая

¹ Люблинская А. Д. Франция при Ришелье (французский абсолютизм в 1630 — 1642 гг.). Л., 1982. С. 217-222.

(добавим мы) смена вех. Действительно, последние два десятилетия коренным образом меняются подходы и исследовательские приоритеты ученых. «Французский абсолютизм» утратил былую привлекательность. А те немногие историки (Н. Е. Копосов, В. Н. Малов, А. В. Чудинов), которые время от времени к нему обращаются, говорят о том, что «абсолютизм» не является проблемой социальной и экономической истории. По их мнению,¹ абсолютизм следует понимать прежде всего как политическую и государственную систему, с имманентно присущими только ей институциональными, межгрупповыми, человеческими и культурными взаимоотношениями и связями. Именно на этих направлениях они усматривают исследовательскую перспективу. Предшествующую историографию, они порицают за чрезмерный социоэкономцентризм. Коренным образом изменяются речевые компоненты, с помощью которых описывается история Франции XVI–XVII вв.

При изучении данной темы были полезны не только работы, посвященные истории изучения проблемы, но и публикации — в том числе и мемориальные, — касающиеся деятельности крупных историков, изучавших абсолютизм.

В работах П. О. Горина, А. А. Чернобаева, О. П. Володькова² излагается теория «торгового капитализма» М. Н. Покровского, а также его административная деятельность по формированию марксистской историографии в первые 10-15 лет существования Советской власти в России. Для П. О. Горина, как ближайшего помощника М. Н. Покровского, характерно апологетическое отношение к

¹ Копосов Н. Е. Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований // Французский ежегодник. 1985. М., 1987. С. 139-155; Он же. Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. №1. С. 42-57; Малов В. Н. Жан-Батист Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991; Чудинов А. В. Смена вех: 200-летие революции и российская историография // Французский ежегодник. 2000. М., 2000. С. 14-15.

² Горин П. О. М. Н. Покровский — большевик-историк. С приложением неопубликованных писем М. Н. Покровского. Минск, 1933; Чернобаев А. А. «Профессор с пикой» или три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992; Володьков О. П. Проблемы торгового капитализма в работах М. Н. Покровского конца 1890-х — 1917 гг. Автореферат дис. к. и. н. Омск, 2002.

деятельности ученого. А. А. Чернобаев преимущественно останавливается на самой личности М. Н. Покровского и его организаторской работе, которую исследователь с рядом оговорок оценивает весьма положительно. О. П. Володьков проанализировал основные вехи становления и эволюции теории «торгового капитализма», а также выделил и охарактеризовал стадийные периоды исследования творчества М. Н. Покровского в отечественной историографии и преобладающие в ней на разных этапах подходы и оценки.

Нельзя не сказать о многочисленных публикациях мемориального характера о С. Д. Сказкине и А. Д. Люблинской, к которым пришлось обращаться при работе над темой. Как правило, они написаны либо учениками, либо последователями ученого, поэтому точка зрения учителя в них подается либо как правильная, либо как доказанная.

Особый интерес представляет недавно выпущенная в Санкт-Петербурге мемориальная книга,¹ посвященная деятельности В. С. и А. Д. Люблинских, авторы которой воочию наблюдали за жизнью и изысканиями исследовательницы. Среди публикаций, помещенных там, отметим очерк о жизни и творчестве А. Д. Люблинской, написанный Е. В. Бернадской, Л. И. Киселевой, Ю. П. Малининым, В. А. Сомовым, содержащий подробное описание архива историка, хранящегося в Архиве Санкт-Петербургского филиала ИРИ РАН.

Гораздо меньше повезло Б. Ф. Поршневу, который не имел большого числа учеников. Специального внимания заслуживают малоизвестные работы уссурийского (в настоящее время работающего в Воронеже) исследователя Ю. Л. Ярецкого². В начале

¹ Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки / Под ред. Л. И. Киселевой. СПб, 2001.

² Ярецкий Ю. Л. Замечательные ученые Московского университета (Б. Ф. Поршнев). Очерк творческой биографии (К 325-летию МГУ). Уссурийск, 1981. (Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР. №8395). 10 с.; Он же. Некоторые вопросы теории абсолютной монархии во Франции в освещении Б. Ф. Поршнева (Из истории разработки проблематики абсолютизма в советской историографии). Уссурийск, 1982. (Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР. №9787). 31 с.; Он же. Феодалное государство в освещении Б. Ф. Поршнева (Теоретические и методологические аспекты). Уссурийск, 1982. (Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР. №9779). 16 с.; Он же Б. Ф. Поршнев: очерк творческой биографии. Уссурийск, 1983. (Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР. №13303). 49 с.

80-х годов ему удалось поработать с архивом Б. Ф. Поршнева и воссоздать основные контуры его жизни и деятельности. Исследователь показал, что формирование Б. Ф. Поршнева как историка проходило в семинарах В. П. Волгина и Н. М. Лукина, где и зародился интерес к народным движениям, в дальнейшем получивший развитие в связи с темой Фронды. Ю. Л. Ярецкий воспроизводит основные компоненты концепции Б. Ф. Поршнева, приходит к выводу аналогичному тому, который делали его предшественники: теория Б. Ф. Поршнева «страдала определенной односторонностью, что было связано с недооценкой ученым революционности буржуазии».

Стремление описать все творчество Б. Ф. Поршнева — от антропогенеза до теории классовой борьбы — характерно для О. Т. Вите¹. Он совершенно справедливо показывает, что Б. Ф. Поршнев не мог замыкаться в рамках исторического ремесла. Необходимость искать и цитировать источники сковывала его. Б. Ф. Поршнев был одержим идеей создания «синтетической науки» об обществе. Стержнем такой науки должна была стать теория классовой борьбы. По мнению исследователя, работа Б. Ф. Поршнева над проблематикой классовой борьбы способствовала «наполнению реальным содержанием канонических марксистских формул».

О. Т. Вите относится к герою своего исследования апологетически. В частности, он полагает, что марксистский «закон» о взаимозависимости производительных сил, производственных отношений и надстройки Маркс выдвинул только как гипотезу, а «открыл же его в действительности... не кто иной, как Поршнев». Статьи Б. Ф. Поршнева конца 40-х годов о классовой борьбе он называет «уникальными» и «непревзойденными», видимо, не замечая, что данная проблематика давно стала архаичной, периферийной и маргинальной у историков и обществоведов. Работа О. Ю. Вите, кроме того, реинтерпретационная. Он читает и по-своему истолковывает опубликованные произведения Б. Ф. Поршнева. Архивные материалы, которые содержат действительно неизвестные данные, им не используются.

¹ Вите О. Творческое наследие Б. Ф. Поршнева и его современное значение. <http://www.russ.ru/univer/biblio>

Отметим недавно вышедшую статью В. П. Золотарева и О. И. Зезеговой о видном участнике дискуссий об абсолютизме и ныне незаслуженно забытом В. В. Бирюковиче. Авторы справедливо замечают, что В. В. Бирюкович имел собственную оригинальную концепцию абсолютизма, отличающуюся от представлений С. Д. Сказкина, О. Л. Вайнштейна, П. П. Щеголева, к которой он пришел изучая деятельность французских финансистов и народные движения конца XVI — начала XVII вв¹.

Избранную тему невозможно было изучить, не обращаясь к исследованиям по отечественной исторической науке в целом, где дается общая картина ее становления и развития². Полезны были работы о деятельности некоторых научных учреждений, Санкт-Петербургской школы и видных ее представителей³. Эти

¹ Золотарев В. П., Зезегова О. И. Владимир Владимирович Бирюкович (1893 — 1945) // Новая и новейшая история. 2001. №6. С. 171-189.

² Копосов Н. Е. Советская историография, марксизм и тоталитаризм (К анализу ментальных основ историографии) // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. М., 1994. С. 50 — 68; Алексеева Г. Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке. Судьба исторической науки. М., 1996, С. 43-58; Она же. История. Идеология. Политика. (20 — 30-е гг.). // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 13 — 166; Она же. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60-80-е гг. // Там же. С. 269-301; Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999.

³ Калистратова Т. И. Институт истории ФОН МГУ-РАНИОН (1921-1929). Нижний Новгород, 1992; Панях В. М. Ликвидация ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // Россия в XX веке. Судьба исторической науки. М., 1996. С. 686 — 696; Он же. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб, 2000; Брачев В. С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; Ананьич Б. В., Панях В. М. Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929 — 1931 гг.». Вып. I) // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб, 1995. С. 87 — 111; Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк // Академическое дело 1929 — 1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Ч. I. СПб, 1998. С. LXV-CXXXI; Он же. Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. СПб, 1995; Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Е. В. Тарле. Орел, 1994.

исследования, непосредственно не касаясь проблемы французского абсолютизма, помогали восстановить тот исторический, культурный, политический и ментальный контекст, в котором жили и творили наши «герои».

Современные исследователи в разной степени сходятся в том, что «пресловутая (выражение Л. М. Баткина) системность мышления», которая была присуща всем без исключения советским историкам-марксистам, жестко ограничивала их исследовательский индивидуализм, научную свободу, понятийно и тематически обедняла, закрывала от них целые сферы жизни людей изучаемой эпохи, заставляла не замечать нехарактерное, а неожиданное подгонять под уже многократно постулируемые схемы.

Объектом исследования представленной диссертации стали опубликованные и неопубликованные работы отечественных историков французского абсолютизма, их мыслительные конструкции, методологические ориентации, интеллектуальный инструментарий и понятийный аппарат, идиоматический словарь, отношение к источниковедению, а также обращение и манипуляции с материалами источников. Изучению, кроме того, подверглись, если находились соответствующие архивные материалы и свидетельства, отношения между самими историками внутри сравнительно малочисленной корпорации советских медиевистов.

Ученые, изучающие абсолютизм, большое внимание уделяли «классовой» структуре французского общества XVII века. Необходимость достигнуть более глубокого понимания их интерпретаций побудила привлечь материал дискуссии о роли классовой борьбы при феодализме, в которой видные отечественные специалисты по западному средневековью приняли заинтересованное участие.

Цель работы состоит в том, чтобы проследить формирование и эволюцию проблемы «французский абсолютизм» и способы ее предполагаемого решения в отечественной марксистской историографии.

Достижение цели возможно при решении следующих исследовательских задач:

— рассмотреть трактовки абсолютизма в работах сторонников теории «торгового капитализма» (М. Н. Покровский, А. А. Богданов и др.);

— проследить становление абсолютистской проблематики во второй половине 30-х годов, а также ход и результаты первой дискуссии между С. Д. Сказкиным, В. В. Бирюковичем, З. В. Мосиной, Б. Ф. Поршневым и др.;

— проанализировать интерпретации абсолютизма в первых послевоенных работах (А. Д. Люблинская, Б. Ф. Поршнев, С. А. Покровский, Н. Ф. Колесницкий);

— показать взаимоотношения историков друг с другом, проявившиеся в ходе дискуссии о месте и роли классовой борьбы в истории;

— выявить «нормативные» способы убеждения оппонентов;

— проследить на примере темы «французский абсолютизм» процесс формирования марксистского языка в области исторического писания, вычленить его сегменты и показать их иерархическую соподчиненность и взаимосвязанность.

Хронологически исследование охватывает период со второй половины 20-х до конца 40—начала 50-х годов XX века. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что проблема абсолютизма как специфического социального и политического порядка в истории Западной Европы и Франции была сформулирована по-марксистски в советской исторической науке именно в середине 20-х годов школой М. Н. Покровского. Затем тема «абсолютизм» претерпела определенную эволюцию, пока не сформировались и достаточно четко не обозначились концепции признанных ее лидеров С. Д. Сказкина, В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева и А. Д. Люблинской. К началу 50-х годов научное размежевание в рамках общего для них марксистского дискурса стало очевидным, сопровождаемое к тому же нередко подчеркнутой личной неприязнью.

Основным методологическим и эвристическим инструментом в ходе исследования стало понятие дискурса, определяемого как система представлений, слов и терминов, которые говорящее или пишущее лицо, в силу своих методологических, гносеологических и аксиологических предпочтений произвольно или непроизвольно использует для описания вещей, деяний, событий, явлений, мыслей, ощущений. Автор в своих представлениях о дискурсе отталкивается от определений, сформулированных Фердинандом де Соссюром, Мишелем Фуко и Дж. Пококом, которые настаивали на том, что язык, в том числе и язык исследователя, не является пассивным средством выражения. Язык обладает внутренней струк-

турой, а связь между изучаемым объектом и языком бывает гораздо более произвольной, чем это кажется самому исследователю. Для марксистского дискурса это могло быть еще более характерно, поскольку он нередко императивно «принуждал» исследователя «не замечать» лексики источников.

При работе над темой приоритет отдавался хронологическому принципу изложения и структурирования материала, максимальному и комплексному привлечению источников. Определяющим все время был культурно-антропологический принцип, ибо люди не только делают, но и описывают историю. И то, что и как они описывают, нередко на десятилетия становится самой историей. Поэтому материалам личного характера, характеризующим персональные и исследовательские качества советских историков, уделялось большое внимание.

Источники. Работа написана на многочисленных и разнообразных источниках, которые для удобства описания условно можно подразделить на опубликованные и неопубликованные.

Первую группу опубликованных источников составили публикации историков 20-х — начала 50-х годов, изучающих проблему. Сюда включены работы теоретического толка, произведения, содержащие большие теоретические разделы и также конкретно-исторические исследования, а именно: статьи, учебники, рецензии, книги, стенограммы лекций А. А. Богданова, Н. Н. Розенталя, М. Н. Покровского, В. Д. Преображенского, П. П. Щеголева, С. П. Лозинского, Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, З. В. Мосиной, В. В. Бирюковича, А. Букштейна, Б. Ф. Поршнева, Б. Б. Пыхтеева, Н. Колесницкого, С. А. Покровского, Б. Г. Вебера, А. З. Манфреда, Р. Самойлова, А. А. Лозинского, А. И. Коробочко, П. Н. Галанзы.

Этот пласт источников позволил нам реконструировать основные теоретические точки зрения, проследить их эволюцию. Конкретно-исторические исследования помогли оценить степень воздействия теоретических положений на конкретный материал источников, увидеть практики подгонки исторического материала под определенные абстрактные установки.

Привлечение диссертационных исследований, опубликованных авторефератов диссертаций, печатных материалов с изложениями основных положений защищенных диссертаций и пове-

ствованиями о дискуссиях во время защит, — которые составили вторую группу источников, — дало возможность уточнить степень влияния методологических установок, языковых практик, мировоззренческих ориентаций на интерпретации источников и освещение исторических событий.

Опубликованные материалы различных обсуждений и дискуссий, в ходе которых участники выражали свои точки зрения и опровергали мнения оппонентов, составили третью группу источников. Эти обсуждения предоставляют прекрасную возможность составить представление о наиболее актуальных проблемах исторической науки 20 — начала 50-х гг., а также о способах подачи содержания дискуссий и аргументаций.

Постановления партийных и государственных органов, передовые статьи в исторических журналах, появляющиеся в ходе проводимых политических и идеологических кампаний, выделены в четвертую группу источников. В этих материалах сформулированы методологические и политические установки, которых советские историки должны были императивно придерживаться.

К пятой группе источников отнесены публикации о деятельности академических организаций и высших учебных заведений, в которых работали и преподавали ученые.

Шестую группу источников составили воспоминания очевидцев, передающие специфическую атмосферу тех лет, повествующие о жизни академической среды. К этой же группе отнесены свидетельства историков, проходящих по так называемому «Академическому делу» 1929-1931 гг. Каждый из этих материалов субъективен, иногда в чем-то неправдоподобен, но, взятые вместе, они позволяют ощутить ту обеспокоенность, если не сказать страх, за свое настоящее и будущее, которые, как кажется, никогда не покидали ученых.

Важно было привлечь неопубликованные архивные материалы, ибо именно они дают возможность приоткрыть лабораторию ученых, услышать через стенограммы их не вполне оформленные речи, ощутить жар полемики, степень имевшей место взаимной неприязни, выявить способы убеждения несогласных. Всего были привлечены материалы семи архивов — пяти московских и двух санкт-петербургских. Это — архив Российской Академии Наук, архив Института российской истории РАН, Центральный архив общественных движений Москвы (Бывший архив МГК КПСС),

Российский государственный архив социально-политической истории, отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), Санкт-Петербургский филиал архива РАН, Архив Санкт-Петербургского филиала института российской истории.

Всего было просмотрено около 200 единиц хранения.

Архивные источники легко подразделяются на две группы. К первой группе относятся материалы личного происхождения. Это — письма, как правило, с автографами в различные организации, тексты или конспекты лекций, рецензии и отзывы на научные работы, законченные, но не опубликованные рукописи, наброски, выписки из архивов, книг и статей.

Вторую группу неопубликованных источников составили документы коллегиальных органов. В нее вошли стенограммы заседаний Ученых и диссертационных советов, партийных собраний, заседаний партбюро, различного рода резолюции, решения и постановления.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем прослежен процесс складывания марксистской концепции французского абсолютизма в отечественной исторической науке 20 — начала 50-х гг. XX века; определены различия в подходах и решениях проблемы, доминирующие в 20-е, 30-е и 40-е гг., вычленены основные идиоматические сегменты, определен методологический и эвристический инструментарий советского историка-франковеда 20 — начала 50-х годов, описаны ход, содержание и тональность дискуссий по проблеме, затронуты механизмы убеждения и способы установления исторической истины.

Практическая значимость работы. Основные положения и выводы работы могут быть использованы при дальнейшем изучении историографии французского абсолютизма и истории Франции XVI — XVII вв., для написания учебных пособий, а также при разработке и чтении общих и специальных курсов по историографии и истории отечественной исторической науки.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в статьях и публикациях автора. Материалы и результаты исследования докладывались и обсуждались на различных конференциях. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков Тюменского университета.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее изученности, обозначается объект исследования, формулируются цели и задачи, излагаются принципы и методы исследования, декларируется исходная гипотеза, дается характеристика источников.

Первая глава «Французский абсолютизм в отечественной медиевистике (вторая половина 20-х—30-е годы)» содержит два раздела.

В первом разделе «Абсолютистское государство — это государство торгового капитала» рассматривается состояние проблемы в 20-е — начале 30-х годов, когда марксизм уже стал доминирующей, но отнюдь не единственной парадигмой в отечественной исторической науке.

Истолковывая различные пассажи из Маркса, Энгельса и Ленина, советские марксисты демонстрировали вдохновение и способность к формально-логическим построениям. Они были заняты поиском причинно-следственных связей, полагая, что в истории все детерминировано. По их мнению, политические, культурные, идеологические изменения обусловлены переменами в сфере материального производства, в социальных отношениях и, в конечном счете, результатами борьбы за материальное. Поэтому нет ничего удивительного в том, что абсолютизм, который представляет из себя прежде всего форму политического правления, начинал изучаться советскими историками с точки зрения его экономической и социально-классовой природы. Многие историки-марксисты были заняты вопросом периодизации истории и места в ней XVI — XVIII вв.

В 20-е — начале 30-х гг. в отечественной историографии доминировала точка зрения А. А. Богданова, М. Н. Покровского и его школы, согласно которой XVI — XVII вв. являлись эпохой господства торгового капитала, а абсолютная монархия — своеобразным инструментом, обеспечившим победу торгового капитализма над остатками феодализма. Построения приверженцев теории «торгового капитализма» строились не на изучении источников, а исключительно на положениях классиков марксизма.

В конце 20 — начале 30-х годов взгляды школы М. Н. Покровского стали ставиться под сомнение.

Во втором разделе «Абсолютизм есть дворянское, феодальное государство» показаны перемены, произошедшие после политического решения ВКП(б) от 1934 г. о возвращении к преподаванию гражданской истории, которое осудило прежние подходы за излишнюю увлеченность «отвлеченными социологическими схемами». Появившиеся одновременно с партийным постановлением «Замечания о конспекте учебника по новой истории», подписанные И. Сталиным, С. Кировым и А. Ждановым, характеризовали западноевропейские режимы XVI — XVIII вв. как «абсолютистско-феодальный порядок». После этого в отечественной медиевистике надолго утверждается концепция об абсолютизме как феодальном по своей социальной природе государстве, которое возникает после зарождения буржуазных отношений, появления класса буржуазии и установления социального равновесия между буржуазией и дворянством. Королевская власть пользовалась наличием такого противостояния. Оно делало абсолютизм менее зависимым от общества. Но, в конечном счете, абсолютная монархия оставалась защитницей исключительно интересов дворянского класса.

Концепция абсолютизма как феодального, дворянского государства нашла отражение в первом советском учебнике по истории Средних веков под редакцией С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна, в работах П. П. Щеголева, Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, В. В. Бирюковича, З. В. Мосиной, А. Д. Люблинской и др.

Принимая это положение, императивно сформулированное в партийном документе, исследователи имели целый ряд расхождений друг с другом. Разногласия обуславливались тем, что XVI и XVII вв. попадали в так называемый переходный период от феодализма к капитализму. Уже само срединное место, которое занял абсолютизм в марксистской периодизации, предполагало возможность будущих дискуссий, ибо абсолютизм в силу его переходности трудно было подвергнуть типологизации. Историки-марксисты помнили «азбуку марксизма», в частности, положение о том, что в любом антагонистическом обществе существует два антагонистических класса — эксплуататоров и эксплуатируемых. При феодализме это — классы феодалов и крестьян. Но феодализм во Франции завершился революцией, которую тогда именовали буржуазной. Значит, нужно было ответить еще на

ряд сопутствующих вопросов: откуда буржуазия взялась, как складывались ее отношения с абсолютизмом и народом? Но сами классики марксизма, к которым постоянно обращались историки, оставили не так много высказываний на эту тему.

Разногласия проявились в рецензиях на учебник по истории Средних веков под редакцией С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна, в ходе защиты докторской диссертации В. В. Бирюковича и, особенно, во время обсуждения проблем абсолютизма, которое состоялось весной 1940 г. в Институте истории АН СССР. На заседании в Институте истории выступали все наиболее авторитетные медиевисты Москвы. Главными диспутантами оказались С. Д. Сказкин, Б. Ф. Поршнев, В. В. Бирюкович и З. В. Мосина.

В. В. Бирюкович соглашался с тем, что «абсолютная монархия — это дворянское государство», но настаивал на его способности в разные моменты в зависимости от ситуации опираться на разные силы: не на все дворянство, а только «на дворянство мантии», привлекая на службу «ростовщическую буржуазию». Кроме того, он выражал несогласие с законченным догматизмом («господством голой схемы») Б. Ф. Поршнева и С. Д. Сказкина, призывая больше изучать «конкретный материал». С. Д. Сказкин делал упор на формуле «абсолютизм — форма диктатуры дворянства». Абсолютизм буржуазия первоначально поддерживает, а «затем переходит к борьбе с ним». С появлением буржуазии меняется характер основного классового противоречия феодализма, «буржуазия замещает крестьянство», отстаивая свои цели, она двигает прогресс и «как гегемон буржуазной революции выражает интересы крестьянства». Б. Ф. Поршнев приходил к выводу, что понять абсолютизм можно только изучая проявления крестьянского сопротивления. «Абсолютизм — дворянская диктатура, возникшая из-за народных волнений». «Движение народных масс, которых боится и дворянство, и буржуазия, — главная предпосылка возникновения абсолютизма». «Боясь крестьян и плебейских элементов города, — писал он, — буржуазия, часть дворянства готовы согласиться с укреплением королевской власти и помочь ей одолеть феодалов-сепаратистов». «Буржуазия реакционна, и только борьба народных масс заставляет ее революционизироваться, встать во главе эксплуатируемых и воспользоваться их победой». З. В. Мосина, повторяя аксиому марксизма, что «государство является полити-

ческой организацией только одного господствующего класса», готова была признать возможность за буржуазией развиваться в эпоху существования абсолютных монархий. По ее мнению, кроме того, согласие на установление абсолютизма и централизацию страны выражали не отдельные группировки дворянства, как об этом говорил В. В. Бирюкович, а дворянский класс в целом.

Глава вторая «Французский абсолютизм и проблема классовой борьбы в отечественной медиевистике (40-е — начало 50-х годов)» также содержит два раздела. Здесь отмечается, что в первые послевоенные годы отечественная историческая наука подверглась сильнейшему идеологическому давлению, прокатилась кампания критики и чистки научных коллективов, журналов и исследователей. Начавшаяся в условиях «холодной войны» борьба с космополитизмом и преклонением перед Западом не оставила историков в стороне. Участие в ней приняли некоторые представители науки, стремясь покончить с оппонентами.

Послевоенные идеологические кампании сказались на состоянии исторической науки. Методологическое единомыслие полностью победило. Дореволюционное поколение, как носитель иных подходов и самостоятельного мышления, перестало воспроизводиться. В советской послевоенной историографии отчетливо выявилась детерминанта к историко-идеологическим введениям, порицанию буржуазной зарубежной и русской дореволюционной науки, обильному цитированию классиков марксизма. Доминировали генерализации и поиск закономерностей.

Раздел первый «Абсолютизм и проблема Фронды» посвящен первым послевоенным работам по теме (С. А. Покровский, В. В. Бирюкович, Р. В. Лившиц, А. А. Лозинский, Н. Ф. Колесницкий, А. И. Коробочко, Б. Ф. Поршнев и А. Д. Люблинская).

Здесь показано, что главными «героями» послевоенного отечественного франковедения стали Б. Ф. Поршнев и А. Д. Люблинская. В 1948 г. Б. Ф. Поршнев издает свою знаменитую монографию «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648)», в которой в законченном виде изложил свои взгляды на Фронду как неудавшуюся буржуазную революцию, абсолютизм и на причины его возникновения. По его мнению, история абсолютизма может быть понята только через историю борьбы народных масс с феодализмом, дворянством и защищавшим их абсолютиз-

мом. Борьба народа с существующим порядком уже в XVII в. могла бы закончиться утверждением капитализма во время Фронды, если бы существующая во Франции буржуазия нашла в себе смелость стать союзником народа. Абсолютизм не считался с интересами буржуазии. Однако та по причине незрелости не рисковала бросить вызов абсолютизму. Говоря о возможности совершения во Франции победоносной буржуазной революции, Б. Ф. Поршнев парадоксально утверждал, что вся французская деревня оказалась вне сферы проникновения буржуазных отношений. Видя в истории дихотомию прогрессивного и реакционного, он отказывал абсолютизму в первом и настаивал на втором.

Еще в ходе выдвижения книги Б. Ф. Поршнева на Сталинскую премию А. Д. Люблинская подвергла ее суровой и обоснованной критике. А. Д. Люблинская не разделяла вольного обращения Б. Ф. Поршнева с источниками, порицала «неправильные переводы». Что касается концептуальных расхождений, то она выражала несогласие с тезисом Б. Ф. Поршева о том, что степень развития капитализма в аграрной сфере была незначительной, с тем что «во французском сельском хозяйстве XVII в. царило в общем еще самое доподлинное феодальное средневековье». По ее мнению, во французском сельском хозяйстве уже «с XVI в. появились новые формы эксплуатации, переходные к капиталистическим». Этому способствовал процесс первоначального накопления капитала, в ходе которого большие массы крестьянского и городского населения подверглись экспроприации. Главное же, что этот тезис Б. Ф. Поршнева противоречит его же теории о том, что Фронда была буржуазной революцией. А. Д. Люблинская полагала, что Б. Ф. Поршнев просто принял за буржуазию «одворянившиеся верхи парламентской бюрократии, возглавившие «парламентскую Фронду».

Социально-классовая картина Франции в эпоху абсолютизма представляется А. Д. Люблинской «чрезвычайно сложной и пестрой». По ее мнению, все французское общество XVII в. можно разделить на две основных части: те, кто не представлял будущего страны, и те, кто его представлял. Первая часть — это «господствующий класс», распадавшийся на враждовавшие между собой «фракции, из которых феодальная знать, родовое дворянство и высшее духовенство были сословиями реакционными, а

новое дворянство и высшее чиновничество еще не до конца исчерпали свои относительно прогрессивные возможности и служили опорой абсолютизму». В будущем прогрессивный потенциал утратят и они. «Другую часть составляла буржуазия, плебейство и крестьянство, в которых было воплощено будущее страны». Однако в силу незрелости буржуазии политический союз между этими тремя группами тогда был невозможен. Буржуазия пока шла на союз с абсолютизмом, а плебейство и крестьянство одни вели с ним борьбу.

Споры о природе абсолютизма позволяют говорить о готовности некоторых советских историков середины XX века пренебрегать данными исторических источников в угоду концептуальным обобщениям. Отчасти это, видимо, можно объяснить не умирающим наследием 20 — 30-х годов. Однако страсть к логическому осмыслению прошлого, в котором в то время виделась реконструкция самого исторического процесса, его движение вперед, по сути, являлась его конструированием. А источники, как всякий первичный материал для конструирования, не возбранялось подработать, подтесать, а если материал оказывался слишком «упрям», то он легко подменялся классиками марксизма, благо, в их работах на все случаи жизни находились подходящие цитаты. Вместе с тем, в 40-е годы отмечается усложнение исторических представлений. Если в 30-е годы при обращении к абсолютистской проблематике достаточно было описать «народные массы» и их волнения (классовая борьба), «дворянство», «буржуазию» и «королевскую власть», то теперь к ним добавились «первоначальное накопление», «нация», а дворянство и буржуазия распались на разряды, выделилось чиновничество, опять-таки распадающееся на разряды, появились придворные фракции и подробное описание презираемой ортодоксальными марксистами ранее политической истории. Стали говорить о необходимости сравнительных исследований социальных и экономических процессов разных стран.

Раздел второй «Дискуссия по проблемам классовой борьбы» повествует о спорах конца 40-х — начала 50-х гг., развернувшихся вокруг статей Б. Ф. Поршнева.

Б. Ф. Поршнев имел склонность к теоретическим построениям и, видимо, как никто другой был увлечен поиском смысла и

логики истории. В конце 40-х годов в его жизни происходит решительный поворот от конкретных изысканий к чистой теории. Он пишет «истматовские» статьи и книгу, в которых делает — ни больше ни меньше — попытку вскрыть основную причину человеческих изменений, имевших место в Средние века. Классовая борьба в различных проявлениях, по его мнению, и была той, как ни странно нам это читать, креативной силой, преобразующей и орудия труда, и этнические общности, и формы государственности. К своим коллегам Б. Ф. Поршнев обращается с призывом сосредоточить внимание на анализе различных форм классовой борьбы крестьянства и плебейства. Увлечение другими темами он именует «экономическим материализмом».

Схема Б. Ф. Поршнева по меркам тех дней отличалась оригинальностью, претендовала на новое прочтение марксизма. А поскольку двух мнений в советском марксизме не должно было быть, то ему надлежало сделаться либо «классическим», либо ложным или, например, ревизионистским. То же самое в случае поражения ждало его оппонентов. Субъективность не имела права на существование. Точка зрения могла быть или правильной, значит, общепринятой и партийными передовицами поддержанной, либо опасным заблуждением. Адептам «ложных» воззрений оставался путь «покаяния», а там уж как суровые органы решат...

Модель, предложенная Б. Ф. Поршневым, натолкнулась на решительное неприятие коллег. С инициативой ответить на «вызов» Б. Ф. Поршнева (т. е. провести обсуждение статей) выступили аспиранты кафедры истории средних веков МГУ. В 1951 г. статьи Б. Ф. Поршнева обсуждали на заседании сектора истории Средних веков, на партбюро и на открытом партийном собрании Института истории. И Б. Ф. Поршнев, и его критики отталкивались от положений марксизма и клялись в ему в верности. Большинство выступающих А. Н. Сидорова, С. Д. Сказкин, Ю. М. Сапрыкин, В. В. Бирюкович, С. А. Покровский, А. Д. Эпштейн, С. Н. Асиновская, Ш. И. Типеев, В. Д. Мочалов и другие, менее известные историки, сочли публикации ревизионистскими, извращающими марксизм, оппортунистскими, догматическими, схематическими и т. п. В защиту статей Б. Ф. Поршнева высказались историки З. В. Мосина, З. В. Удальцова, М. А. Алпатов, М. М. Смирин, А. В. Мельникова, И. З. Тираспольская и философы Т. И. Ойзерман и

В. Ф. Константинов, но и они нашли в них в либо ошибки, либо «недооценки»: кто «схематизм», кто «преувеличение роли классовой борьбы», кто подмену понятий.

Достаточно одиноко прозвучали голоса В. Ф. Семенова, В. В. Стоклицкой-Терешкович, Ю. А. Корхова, А. В. Десницкой, которые призывали отказаться от чрезмерного теоретизирования и обратиться к исследованию конкретного материала источников.

Очень тяжело для Б. Ф. Поршнева проходило обсуждение статей на открытом партийном собрании, где практически не оказалось людей его поддерживающих. Здесь из уст многих раздавались не столько научные, сколько политические характеристики. Его обвиняли в желании «полить грязью партийную организацию» Института истории, в том, что он стоит на чуждых классовых позициях, и даже ассоциировали с врагами народа.

Несмотря на жестокую критику, прозвучавшую в Институте истории, Б. Ф. Поршнев продолжает работать над рукописью книги «Роль борьбы народных масс в истории феодального общества». Он ищет «правду» и защиту в вышестоящих партийных органах, наконец, отсылает рукопись книги с письмом лично И. В. Сталину. Обращение Б. Ф. Поршнева в ЦК ВКП(б) привело к новому витку противостояния и борьбы, которая закончилась его поражением и покаянным письмом с признанием ошибок, адресованным в редакцию журнала «Вопросы истории».

Лексика, используемая Б. Ф. Поршневым, и повседневные стереотипы, для него характерные, практически аналогичны лексике и поведенческим практикам его оппонентов, что показывает, что между ними не существовало принципиальных различий. Их идиоматические и поведенческие дискурсы были идентичны.

Понятно, что и Б. Ф. Поршнев, и его оппоненты шли в своих построениях от одних и тех же марксистских категорий. Набор методологических слов предопределял их отношение к материалу. Сопротивление конкретных данных из XVII в. вместе, видимо, с карьерными соображениями подтолкнули Б. Ф. Поршнева подняться на «недосягаемую» теоретическую высоту, откуда детали становятся неразличимыми и кажутся несущественными. Там можно смело оперировать метафизическими конструкциями. Но подходы Б. Ф. Поршнева с неизбежностью должны были и тематически, и сюжетно ограничить его коллег. Для советской исто-

рической науки, пережившей монизм М. Н. Покровского, новый монизм Б. Ф. Поршнева — пусть даже в более ограниченных рамках — был уже неприемлем. К началу 50-х годов словесный и тематический дискурс большинства советских исследователей все-таки стал существенно шире того, какой предлагался Б. Ф. Поршневым. И, как кажется, в большей степени именно этим обстоятельством, а не происками, скажем, Н. А. Сидоровой можно объяснить столь решительное неприятие советским историческим сообществом концепции Б. Ф. Поршнева.

Манера убеждения оппонентов и используемые участниками дискуссии научные и политические идиомы позволяют сделать некоторые заключения о поведенческом и полемическом дискурсах. Очевидно, что толерантностью большинство членов академического сообщества не отличалось. Истиной считалось то, что поддерживалось и официально одобрялось партийными органами. Отсюда постоянные обращения участников дискуссии к партийным инстанциям, а также постоянно звучащие намеки на высокую поддержку. Восторжествовать могла только одна точка зрения. На что указывает использование военной — «исторический фронт», «нанести удар», «переломить хребет» — и политической лексики, т. е. обвинение друг друга в «ревизионизме», «меньшевизме», «троцкизме», «экономическом материализме», «юридизме», «отходе от марксизма», «идейном извращении и теоретической порочности», «схематизме», «механицизме», «нигилизме», «вульгарном и голом социологизировании», «левой фразе». Итогом такой «научной» полемики должны были стать оргвыводы. Хорошо, что в нашем случае все закончилось публичным покаянием.

В заключении подведены итоги исследования. В советской историографии первых десятилетий социальная проблематика становиться чуть ли не единственной, не оставляя другим сюжетам даже периферии. Вопрос, кому служил абсолютизм и чьи интересы выражал и отстаивал, надолго утверждается в марксистской науке. Первые историки-марксисты, следующие за построениями А. А. Богданова и М. Н. Покровского, отвечали на эти вопросы сугубо дедуктивно, формально-логически. Их конструкции строились исключительно на интерпретации марксистских цитат, на желании отмежеваться от достижений и традиций рус-

ской школы, на демонстративном стремлении следовать положениям классиков. По мнению приверженцев «школы М. Н. Покровского» (сам М. Н. Покровский, Н. Н. Розенталь, С. И. Ковалев, М. М. Цвибак), абсолютная монархия возникла в период экономического господства так называемого «торгового капитализма», став его политической диктатурой, призванной покончить с остатками феодализма. При этом западноевропейский абсолютизм воспринимался как монархия неограниченная, тождественная русскому самодержавию.

В середине тридцатых годов концепция «торгового капитализма» М. Н. Покровского была подвергнута критике и признана политически ошибочной. Было реабилитировано источниковедение и конкретно-исторические изыскания. Цель, по-видимому, была утилитарной: переписать «буржуазную» историю и с помощью надлежащих подборов фактов подтвердить или проиллюстрировать марксистские схемы. Источниковедение получило свое место, но это место было вторым. Первое, казалось, навечно было отдано марксистской методологии. Источниковедение, иначе говоря, было принижено, хотя и не унижено. Абсолютизм трактуется как дворянское, феодальное государство, возникающее на последней, третьей, стадии феодализма. В истории французского абсолютизма исследователи стали выделять два периода: «прогрессивный», когда была завершена централизация страны и открыты перспективы развитию буржуазии и капитализма, и «реакционный», в ходе которого монархия стала чинить препятствия дальнейшему росту капиталистических производительных сил и который телеологически заканчивался буржуазной революцией.

В послевоенное время появилось больше работ, затрагивающих отдельные сюжеты в рамках абсолютистской тематики. Среди этих сочинений выделялись книга Б. Ф. Поршнева о народных восстаниях перед Фрондой и работа А. Д. Люблинской, которые сразу обозначили лидерство двух ученых в изучении французской истории XVII в. Однако оба исследователя имели принципиальные разногласия друг с другом. Б. Ф. Поршнев продолжал настаивать на том, что создание абсолютизма явилось своеобразным ответом королевской власти и дворянства на усиления народных волнений, а Фронду считал неудавшейся буржуазной рево-

люцией. А. Д. Люблинская критиковала Б. Ф. Поршнева за слишком вольное обращение с источниками, которые он произвольно подбирал и переводил, дабы подтвердить свою концепцию. Она была не согласна с трактовкой Фронды как неудавшейся буржуазной революции. На ее взгляд, во Франции XVII в. еще не созрели объективные причины для этого: капиталистический уклад оставался слабым, а абсолютизм не утратил прогрессивности, дающей буржуазии возможность расширяться и развиваться.

Теоретические положения, на которых строилась книга Б. Ф. Поршнева, были развиты им в специальных «истматовских» статьях о месте и роли классовой борьбы в феодальную эпоху. Они вызывали дискуссию, но не были поддержаны сообществом отечественных медиевистов.

Проанализированные печатные и архивные материалы позволяют прийти к выводу о том, что советский историк 20-х — начала 50-х годов, изучающий абсолютизм, отдавал предпочтение общему, генерализующему, перед особенным, частным и единичным. В конкретном материале он видел простое подтверждение уже «открытым» марксизмом общественным законам. Описывая исторические реалии, он давал им причинно-следственные объяснения, использовал специализированный идиоматический словарь, далекий от изученных им источников и реальных политических, социальных, ментальных, поведенческих практик. Состоял этот словарь из таких сегментов, как «экономика», «классы», «классовая борьба», «базис», «надстройка», «первоначальное накопление», «производительные силы», «способ производства», «производственные отношения», «буржуазия», «дворянство», «народные массы», «плебейство», «крестьянство», «эксплуатация», «буржуазная революция», «законы общественного развития», «феодальный способ производства», «капиталистический способ производства», «социальная база», «феодализм», «капитализм», «абсолютизм». Во главе этого перечня инструментальных понятий большинство историков абсолютизма ставило «экономику», «способ производства», «производительные силы», ибо качественные изменения в лежащих за ними реалиях, по их мнению, вызывают перемены в тех сферах, которые были скрыты за другими словесными клише. Б. Ф. Поршневу, в свою очередь, полагал, что исходной категорией должна стать «классовая борьба», а остальные являются легко выводимыми логическими

звеньями. Используемый инструментарий, совершенно очевидно, позволял описывать абсолютизм с социальной и экономической точек зрения, но не ориентировал в изучаемую нами эпоху исследовать государственные структуры и писать историю людей.

Изученный материал показывает, что историки-марксисты 20-х — начала 50-х гг. XX вв. с помощью специального словаря «создали» особый мир, который «нашли» во Франции XVI — XVII вв. В основе его описания лежали социальные характеристики. Главной чертой этого мира, его главной реалией и жизненной практикой стала борьба. Описания авторами комбинаций сил, участвующих в борьбе, были разными. Но интересно другое: они сами, кроме изысканий, были постоянно заняты борьбой. Тема борьбы и битвы доминировала в повседневной жизни, политике, культуре и, как выясняется, в отечественном франковедении. Этому не стоит удивляться, ибо страна, в которой они жили, в течение нескольких десятилетий все время с кем-то боролась. Историк в закрытом обществе мог использовать словарь только этого общества.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ АВТОРА:

1. Дискуссии 30-х — 50х- годов о природе французского абсолютизма в документах из фондов академика С. Д. Сказкина и Е. А. Косминского // Архивы на рубеже веков: их роль в исторической науке, практике управления обществом. Тюмень, 1999. С. 20-21.

2. «Абсолютная монархия возникает...» (К вопросу о менталитете советских историков конца 1930-х годов) // Тюменский исторический сборник. Вып. III. Тюмень, 1999. С. 185-195.

3. К вопросу о предпосылках методологического кризиса исторической науки (в соавторстве с Е. Б. Заболотным) // Рубеж веков: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. С. 27-35.

4. В поисках демиурга (об одной дискуссии в отечественной исторической науке 40-х — начале 50-х гг.) // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. Тюмень, 2000. С. 127-128.

5. Проблема французского абсолютизма в работах В. В. Бирюковича // Европа. Международный альманах. Вып. I. Тюмень, 2001. С. 76-86.

6. «Абсолютизм» и «торговый капитализм», или слова и историки (вторая половина 20-х — начало 30 гг.) // Тюменский исторический сборник. Вып. VI. Тюмень, 2002. С. 188-198.

ЛР 020405 от 14.05.97

Подписано в печать 23.10.2002. Тираж 100 экз.
Объем 1,25 уч.-изд. л. Формат 60х84/16. Заказ 630.

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.